
18+
ФЕНЯ ШВЕЦ
ИРБИС
Художник Александр Бровер

Феня Швец

Ирбис

«Издательские решения»

Швец Ф.

Ирбис / Ф. Швец — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Данте выбрал карьеру — карьера выбрала Данте. А вот Амае приходилось делать выбор не раз и не два, а почти каждый день.В тот день, она тоже его сделала, выбирая между своей жизнью и жизнью самого популярного певца этой страны.

© Швец Ф.
© Издательские решения

Содержание

Звезда упала 6
Глава 1 Вега 11
Глава 2 Чёрная дыра 24
Глава 3 Сверхновая 33
Глава 4 Сингулярность 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Ирбис

Феня Швец

© Феня Швец, 2026

ISBN 978-5-0071-6574-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Ирбис»

Данте выбрал карьеру — карьера выбрала Данте. А вот Амае приходилось делать выбор не раз и не два, а почти каждый день. В тот день, она тоже его сделала, выбирая между своей жизнью и жизнью самого популярного певца этой страны.

Звезда упала

Трель звонков на пульт службы спасения звучала назойливой какофонией десятков телефонов и отвечающих на вызовы операторов. За каждым таким звонком стояло чьё-то горе, боль, надежды и обязательно истории. Одни истории трагически короткие, а другие длиною в жизнь, это уж кому как повезёт.

— Алло! Вы меня слышите? Господи, помогите ему, там Данте! Мы оставили его! Там всё обвалилось, прямо за нами сошёл оползень! Мы страшно испугались. Мы не хотели, просто много выпили и запаниковали. Там Данте остался! Спасите его, пожалуйста!

Стороннему наблюдателю могло показаться, что диспетчер со скучающим лицом выслушивал этот поток слов, пока голос на другом конце провода дрожал, срываясь на звуки, зачастую понятные лишь дельфинам, но это было совсем не так.

— Мы не знали, что делать! Какой ужас! Мы не смогли вернуться, когда заметили, что его нет.

Диспетчер нахмурился, пытаясь разобрать слова, когда в трубке послышалось ещё как минимум два мужских голоса, не вполне внятных, а скорее нетрезвых.

— Там дорогу завалило! Мы уехали на двух машинах, и каждый думал, что он в другой. Остановились, а его нигде нет. Пожалуйста, вытащите его оттуда!

Оператор с влажным пятном на спине форменной рубашки, но привыкший к таким ситуациям сохранял спокойствие и тем самым, как водится, раздражал и возможно даже пугал мнимым равнодушием каждого звонившего сообщить о происшествии. Он не попытался немедленно убедить испуганную девушку взять себя в руки, потому что знал, что это бесполезно и терпеливо давал ей возможность выговориться, изредка вставляя короткие реплики, больше для того, чтобы никто не подумал, что он и вовсе ушёл по своим делам, а его пальцы в это время с космической скоростью вносили в форму на компьютере важную информацию, которую он сумел-таки выделить из сумбурной речи. Только тогда, когда понял, что девушка высказалась и уже начала повторяться, он перешёл к следующему этапу.

— Успокойтесь пожалуйста, я вас понял. Вы забыли своего друга в опасном месте и просите его забрать. Верно?

— Да, да!

— Сейчас отп

— Мы… собрались там, у Данте, на склоне, за городом, где старая дорога на перевал. Мы не думали, что так получится!

— Точного адреса у вас нет? Я правильно понял?

— Да какой там адрес? Там дом, горы и лес! Нет там никакого адреса! Вы что, издеваетесь?

— Хорошо, хорошо, я вас услышал, команда спасателей уже в пути. Оставайтесь пожалуйста на связи. Мы сейчас запишем дополнительную информацию и им передадим. Прошу вас успокоиться и рассказать подробнее, где вы конкретно отдыхали и сколько всего человек. Вы уверены, что оставили только одного? Может, там ещё застряли люди? Вспомните, пожалуйста, и главное — не волнуйтесь.

Операторы продолжали свою работу. Трели звучали со всех сторон и, казалось, не прекращались, перетекая из одного в другой. Землетрясение в горах лишь немного задело город: где-то попадали незакреплённые шкафы и ветхие постройки, чудом устоявшие после прошлых толчков, которые в их районе были достаточно частым явлением, где-то погас свет, а на окраине в двух местах прорвало водопровод и улицы заливало потоками воды.

Хоть городское хозяйство пострадало не сильно, но звонили по каждому инциденту десятки обеспокоенных очевидцев. Без проблем, конечно, не обошлось, поэтому к спасателям сразу присоединились медики, пожарные и военные — всех вызвали на места службы. Планы на выходные пришлось отменить. О погибших не сообщалось, и каждый как среди ликвидаторов последствий, так и жителей города надеялся, что так оно и останется.

В тот же день в операционной центрального госпиталя скорой помощи яркий и даже немного противный свет ламп, монотонный звук сложного медицинского оборудования и стерильный запах антисептика сопровождали работу врачей, сосредоточенно склонившихся над пациентом. Вряд ли в описание можно добавить что-то ещё более значительное или романтичное. И нет, музыка Вивальди, как иногда показывают в фильмах, не звучала. В операционной тогда находился единственный музыкант — на операционном столе, и он лежал молча и без движений.

— Ну что, коллеги, как там наш звёздный пациент? — спросил анестезиолог, проверяя данные на мониторах.

— Жив и, я надеюсь, скоро будет здоров. Селезёнку удалось спасти, — не проговорил, а словно пропел ведущий хирург, не отрываясь от манипуляций. — Повезло, что спасатели доставили парня вовремя.

— Да уж, повезло. Хоть он и известный засранец, но поёт классно.

Не без ревности усмехнулась его ассистентка, зыркая глазами поверх маски и радуясь тому, что никто из бригады не обратил внимания на то, как она глазеет на руки известного артиста, фотографиями которого забита вся её галерея в телефоне. Она бы, наверное, что-то ещё рассмотрела, но все остальные интересные места скрывала плотная ткань.

— Пресса раздует эту историю до небес, таковы традиции, — добавил ещё кто-то из операционной бригады.

Опущенные головы медиков не позволяли понять кто, что и в какой момент говорил, да это было и не обязательно. Непринуждённая беседа того не требовала.

— Они же всегда врут ради рейтингов. Сначала напишут, что мы пришили ему чужую ногу, потом исправят на руку, а потом все всё забудут и перекинутся на другие жареные темы.

— Ну, это уже не наша забота. Наша задача его спасти в реальной жизни, а дальше пусть что хотят то с ним и делают.

— А он что, звезда? Артист что ли какой-то? — спросил другой ассистент, заглядывая за ширму.

— М-м-м, у нас он самый популярный певец. Миллионер и предмет обожания всех особ женского пола от двух лет до впадения в беспамятство. У вас он тоже популярен, насколько я знаю. Странно, что вы о нём не слышали.

— Ох, коллега, некогда мне о нём слышать. Знаете, сколько у нас артистов?! За своими не уследить. Не успевают спеть первую песню, а через неделю то женятся, то застрелятся, и так по кругу.

— А вот моя жена трещит о нём без умолку. Иногда мне кажется, что мы живём втроём, — вступил в разговор очередной медик с ноткой обречённости в голосе. — Вот сейчас как ущипну мальчишку и жене расскажу, что я его ущипнул. Пусть завидует.

— Уверен, что позавидует? Скорее из дома выгонит, — засмеялся очередной кто-то за операционным столом.

— Ты прав, если ущипну, точно выгонит, — поменял своё мнение предыдущий оратор, немного поразмыслив.

Люди в белых халатах сначала тихо перешёптывались, а потом и вовсе засмеялись. Видимо, шутили уже не над пациентом.

Операция шла по обычному плану, но не совсем. Вместе с хирургами общей практики у стола работали специалисты пластической хирургии. Часы отсчитывали самые важные после травмы минуты — внешность артиста нужно было сохранить. Хоть со стороны могло показаться, что вокруг бледного как полотно пациента собралась не операционная бригада, а целая толпа излучающих искромётный юмор людей, медики делали свою работу профессионально.

— Хорошо, что спасатели сразу его узнали, — заметил один из пластических хирургов. — Я вообще с детьми в цирк собирался, но лучше уж не увидеть клоунов, чем потом разгребать последствия. Хлопот не оберёшься с этими артистами. По судам затаскают из-за царапины на лбу. Да и представление, скорее всего, отменили из-за толчков. Я жене сказал никуда не ходить и сидеть дома.

— Да уж, — покачал головой его коллега из общей хирургии. — Кажется, всё обойдётся. Сделайте парню хороший шовчик, как у вас там это всё получается. Мы так не умеем. Мы лохи.

Все снова тихо засмеялись.

— Согласен. Вы же криворукие. Вам бы только лишнюю ногу человеку пришить. А мы своими виртуозными пальчиками сделаем всё в лучшем виде, до свадьбы заживёт.

— Хорошая поговорка для иллюстрации нашего мероприятия, но не тот случай, — заметил один из хирургов. — Такие, как он, не женятся. Жениться ведь надо по любви.

Мужчина театрально-мечтательно закатил глаза.

— А как он теперь разберётся, бедолага? На него сейчас смотрят, как на красивую мордашку, да ещё и с миллионами на банковском счёте. Человека в нём вряд ли кто-то разглядит, каким бы он ни был. Боюсь, что последняя его искренняя любовь случилась ещё в школе.

Все присутствующие, кроме самого Данте, закивали в знак согласия с не лишёнными логики выводами.

— Оу, скорее всего поддержу вашу точку зрения, коллега. Помните ту, последнюю певичку, которая всё с ним ошивалась? Имя забыл. Да не важно. Записала с ним пару песен и свалила в туман. Графики у них, видите ли, не совпадают. Ну потом ещё публиковали фото, как она выходила под ручку с тем министром. Боже, ну что за дырявая голова. Не помню, чего он там министр. Видимо, девчушка нашла кошелёк потолще да со связями, хоть и значительно постарше.

Медики закивали, принявшись вспоминать на перебор имя того самого министра, сразу же ухватившись за новую тему.

— Ох. Вот неудача. Давайте, если уж парню так в любви не фортануло, сохраним ему красивое лицо. Может оно ему ещё пригодится, и на его улице машина с пряниками перевернётся.

— Продолжим работу, коллеги, — положил конец прениям ведущий хирург, — А то мы так до ночи не закончим.

Хоть потоп, хоть землетрясение, а милые беседы за рабочим процессом — это уже особый литературный жанр. Любая операционная, так или иначе, может превратиться в царство сарказма и юмора и в этом нет ничего предосудительного, главное, чтобы результат всех устраивал, особенно пациентов.

В это самое время пресса уже вовсю трубила о чудесном спасении кумира нескольких поколений. Заголовки пестрели один пафосней другого:

«Данте чудом выжил после землетрясения»

«Спасатели героически доставили Данте в больницу»

«Пластические хирурги спасли лицо звезды»

Заголовков про неправильно пришитые ноги, правда, не случилось, но и других хватало с запасом.

Фанаты завалили больницу постерами, игрушками и цветами. Лейбл артиста выпустил официальное заявление с благодарностями в адрес спасателей и врачей.

Сам же виновник этого мракобесия, придя в сознание после наркоза, первым делом спросил: — А где ребята, мои друзья? Они в порядке? Их удалось спасти?

Когда ему ответили, что все живы, он вздохнул с облегчением и снова закрыл глаза. Не такой уж он был и засранец, как его медийное альтер эго, созданное теми, кто не знал его лично.

— Спасибо, — прошептал он, проваливаясь в новую порцию исцеляющего сна, даже не заметив, как две молоденькие медсестры пялились на него с глупыми улыбками, поправляя уже сто раз поправленное одеяло. О том, что каждая ещё и пыталась вскользь прикоснуться хотя бы к сантиметру его обнажённой кожи лучше вообще умолчать.

История спасения Данте Квазара стала очередной главой в легенде о нём, не совсем правдивой, но эффектно представленной в средствах массовой информации. А для врачей и спасателей это был просто очередной рабочий день. Для всех, кроме одной до смерти испуганной девушки в грязном оранжевом комбинезоне.

Глава 1 Вега

Через несколько дней Данте выписался из госпиталя. Вернее, выписался — это громко сказано, он фактически сбежал, правда на легальных основаниях.

Состояние его здоровья не вызывало опасений, хотя до идеального требовался курс реабилитации, но врачи в конкретном случае не возражали против скорейшего расставания со столь неудобной персоной. Даже своевременная оплата бешеных больничных счетов руководство госпиталя уже не радовала. Неудобства перевесили прибыль на чаше весов.

Постельный режим и наблюдение специалистов звезде можно без проблем организовать и дома. А от толп фанатов около больницы устали и врачи, и пациенты, да и сам Данте замучился извиняться перед персоналом госпиталя за шум и причинённые неудобства, которые в некоторых моментах носили название «ущерб».

С того самого момента как Данте поступил на лечение, каждый из работающих здесь столкнулся или с нытьём фанатов, выпрашивающих провести их в палату, или с атаками прессы, требующей всё новых и новых подробностей о состоянии певца.

Агентство, следуя протоколу, опубликовало обращение с просьбой не тревожить их кумира и других пациентов, но разве можно пресс-релизом остановить глубоко влюблённых девиц и назойливых журналистов? Конечно нет. Одна фанатка даже смогла пробраться в отделение, но перепутала палаты и в итоге начала делать снимки совершенно постороннего человека. Госпиталь чуть не получил иск, а агентству пришлось приложить достаточно много усилий в денежном эквиваленте, чтобы уладить инцидент.

Эвакуировали Данте из больницы по всем правилам шпионского детектива — под покровом ночи и с соблюдением всех мыслимых и немыслимых мер безопасности. Но несмотря на это, уже во всех утренних новостях появились фото закутанного в плед Данте в инвалидном кресле и несколько ракурсов увозившего его минивэна.

Фото явно исходили из одного источника. Самого беспардонного и наглого. Их называли по-разному: от просто папарацци, до охотников за знаменитостями. Такие считались наиболее отбитыми среди журналистской братии, потому что превращали обычную слежку за звёздами в смысл жизни. За фото и видео материалы личного и закрытого характера неплохо платили, но известны были случаи в музыкальной индустрии, когда охотники слетали с катушек и своими действиями доводили некоторые ситуации как до абсурда, так и до реальной угрозы жизни и здоровью своих жертв. Именно жертв. Именно это слово лучше всего характеризовало объекты их повышенного внимания.

Теперь один такой бедолага лежал дома, листая все эти «ракурсы» в интернете, выполняя рекомендации врачей, всё ещё слабый, но уже на светлом пути к окончательному выздоровлению.

Данте Квазар один из тех, если не сказать, что он давно закрепился первым номером в списке охотников, кто не мог подойти к окну в своей квартире, предварительно не подготовившись даже к такому несложному и обыденному для обычных людей мероприятию. Для многих это не составляло труда, но не для него и не для таких как он. Просто выйти в пижаме и

посмотреть со своей открытой террасы на рассвет или облака, вообще стало для него непозволительной роскошью и другой стороной популярности. Он понял не сразу, что квартиру покупать из-за прекрасного вида и огромного панорамного окна не стоило. С мелким противным дроном он встречался чаще, чем с воронами.

Через неделю после того, как сняли швы, кожу на животе уже не тянуло так противно, как в первые дни пребывания в госпитале, а настроение улучшилось мгновенно, в тот самый миг, когда парень забрался в свою постель, с ароматом любимого кондиционера для белья, а не больничного запашка смеси непонятно чего. Мама, сидя рядом, с грустью смотрела на сына, но в то же самое время с облегчением и благодарностью ко всему живому, что не дало ей потерять единственный смысл жизни из-за прихотей природы.

Она растила его одна. Отец Данте умер слишком рано: сгорел от болезни за какие-то полгода. Мальчишке и трёх лет тогда не исполнилось. С тех пор со всем что им преподносила жизнь они справлялись вдвоём. Данте, как и положено среднестатистическому миллионеру, купил свою собственную квартиру в престижном районе, но из больницы он без раздумий поехал не домой, а нырнул как в мягкое облако туда, где провёл своё детство и частично юность: к матери, под родное крыло. Других крыльев в его полных двадцать пять лет, как бы грустно это не звучало, у него и не было.

Лечебная мамина каша казалась традиционно невкусной, но Данте даже и мысли не допускал, чтобы сообщить ей об этом. И так с самого детства, благо пробовать сие произведение кулинарии в исполнение профессора Квазар ему приходилось не часто, только во время болезни.

Пожилая женщина немного неряшливого вида в смешных круглых очках в толстой оправе и растянутом домашнем свитере кормила с ложечки свою единственную драгоценность и что-то бормотала, прыгая с одной темы на другую. Данте мог есть сам, но не сопротивлялся, принимая с благодарностью и любовью заботу человека, который дышал только им с самого рождения. Он не просто знал об этом факте. Он на протяжении всей своей жизни ощущал это на физическом уровне. Знал, ощущал, принимал с благодарностью и всегда старался дарить любовь и поддержку в ответ несмотря на то, что времени на общение с матерью он мог выделить ничтожно мало, а на кого-то другого совсем не оставалось.

— Сынок, как окрепнешь, нужно будет съездить и лично поблагодарить спасателей, — вставила между ложками госпожа Квазар. — Мне медсёстры в больнице рассказали, что ребята сильно рисковали ради тебя. Особенно их врач. Твоё агентство опубликовало заметку в прессе, но, думаю, что личный визит в данном случае будет более чем уместен. Я почитала заметку. Она как лозунги на собрании. Это нехорошо.

Данте утвердительно кивнул, давясь кашей, и осознавая, что сил на визит благодарности у него действительно пока не было. Да и внешний вид оставлял желать лучшего. Ещё эта дурацкая наклейка на лбу. За несколько лет работы в индустрии, Данте вбивали в этот самый красивый лоб, что его статус не позволяет выходить из дома, не позаботившись о внешнем виде. Он должен быть всегда безупречен, иначе нападок в соцсетях не оберёшься: то нос не такой, то глаза разные, то брюки короткие. Сколько этого он уже навидался за свою карьеру — одному Богу известно, но и думать на десять шагов вперёд о каждой мелочи он тоже научился.

Госпожа Квазар, трезво оценивая состояние сына, хоть и не собиралась настаивать на немедленном визите, но на следующий же день послушав своё сердце и воспитание «настоящей женщины из приличной семьи», как иногда называл её отпрыск, всё-таки не выдержала, и отправилась к спасателям сама, чтобы лично выразить благодарность, не теряя времени: хороша ложка к обеду, как говорится. Она немного подумала и купила гору разных продуктов и деликатесов, которые, по её мнению, могли составить приличный подарочный набор: чай, кофе, фрукты, сладости и закуски. Какое-то время, не имея достаточного опыта в таких вопросах, она металась между конвертами с деньгами и чем-то другим, но решила, что деньги могут опошлить момент и остановилась на вкусном и полезном варианте благодарности. А с деньгами они, возможно, придумают что-то позже вместе с сыном. Профессор отлично представляла каков доход у государственных служащих, потому что сама работала в учебном заведении.

Закончив долгую, но результативную прогулку по супермаркету, госпожа Квазар попросила упаковать всё сложенное в тележку богатство в красивые корзины и бережно разместив их на заднем сиденье своего автомобиля, начала движение в нужном направлении. Дорогу она отлично знала, потому что госпиталь скорой помощи, пожарная часть и база спасателей находились на одной огромной территории возле окружного шоссе и эту локацию в столице знали все от мала до велика. Дорога заняла не более тридцати волнительных минут. Благодарная мама своего взрослого, красивого, но тем не менее, всё же ребёнка, действительно нервничала перед встречей с людьми, которые подарили её единственному сыну второй шанс на жизнь, но она переживала ещё и от того, что никак не могла избавиться от странного и необъяснимого чувства тревоги, которое ей никак не удавалось победить. Принимать успокоительное перед тем как сесть за руль ответственная женщина не решилась.

Войдя в просторный вестибюль штаба, странноватого вида посетительница с корзинами, украшенными бантами из цветной фольги поинтересовалась, где можно найти седьмую команду. Дежурный посмотрел на визитёршу поверх очков и с умным видом поправил: — Не седьмую команду, а команду «Семёрка». Это её позывной, а не порядковый номер.

В команде, как он объяснил, всегда и неизменно семь штатных специалистов: командир группы, два врача, два техника и два пилота. Это элитная команда воздушных горноспасателей. Усвоив эту действительно полезную информацию, госпожа Квазар сердечно поблагодарила уважаемого человека в форме и двинулась искать нужный кабинет улыбаясь тому, как трепетно дежурный относился ко всем этим условностям.

По выполненной немного кустарным способом табличке с надписью «Семёрка», которая выбивалась из общего дизайна других табличек на дверях она нашла нужную, поставила корзины на пол, встряхивая уставшие руки и тихонько постучала.

— Входите, открыто!

— Добрый день, — сказала пожилая, но всё ещё очень привлекательная женщина, протискиваясь со своей габаритной ношей в дверной проём.

В просторном кабинете, больше похожем на комнату отдыха, она обнаружила одного человека, три больших дивана и три письменных стола, а также детали интерьера в виде раскиданных вещей: полотенец, предметов одежды как светской, так и специальной, вместительных сумок, закрытых и нет. Некоторые были выпотрошены, словно в них копались некие жуки-копатели. Но профессору математики, которая никогда не считала себя образцом порядка, этот

раздрай показался чудесным. По её скромному мнению, такие прекрасные люди могли сотворить только самый прекрасный бедлам на свете.

— Здравствуйте, — ответил человек. — Вы точно к нам? Обычно, всё это несут в госпиталь, — сказал он, указывая круговыми движениями пальца на корзины. — Это соседнее здание, — он кивнул в окно.

— Если здесь обитает бригада спасателей под названием «Семёрка», то я по адресу, — не сдавалась посетительница.

— Команда, — вежливо поправил её спасатель, судя по спецодежде, которая прекрасно отражала суть его профессии. — Я её руководитель, меня зовут Иво Джексон. А вы? — человек с неизвестного достоинства погонами сделал вопросительное выражение лица и немного склонил набок голову в ожидание ответа.

— Я мама Данте. Данте Квазара, которого ваша команда под названием «Семёрка» спасла из-под завала во время землетрясения, — сделав акценты на все важные слова, улыбнулась женщина, в надежде, что в этот раз произнесла их правильно. — И надеюсь, вы простите мой одиночный визит. Я не могла ждать, пока сын поправится, чтобы прийти с ним вместе, и немного поторопилась. Но надеюсь, вы поймёте и примите мою благодарность, которую нельзя выразить никакими словами. Здесь, — она подняла повыше корзины, — просто угощение, которое может скрасить ваши дежурства. Ничего более. Мне захотелось немного вас порадовать. Я волнуюсь, простите. Мне сказали, что моего сына спас врач. Можно передать вот эту корзину для него лично? Жаль, что я не застала вас всех вместе.

Профессорша в смешных очках говорила, говорила и переминалась на месте, не намереваясь поставить тяжёлые корзины на пол. Она попросту забылась от волнения. Мало того что держала их мёртвой хваткой, она ещё успешно ими жестикулировала.

— Да, спасибо огромное. Вот её стол. Ребята на тренировке, а я немного задержался, поэтому вы меня и застали. К сожалению, тоже спешу. Простите, что нет возможности оказать вам более тёплый приём. Мне нужно бежать. И спасибо вам. Ребята будут очень рады. Они хоть и взрослые, но сладкое любят, как дети. На столе ничего оставить нельзя.

Джексон улыбнулся и протянул госпоже Квазар руку то ли для прощания, то ли чтобы забрать у неё тяжесть.

— Спасибо за то, что спасли моего сына, — тихо, без бравады произнесла она, всё-таки избавляясь от одной из корзин и протягивая руку в ответ.

— Это наша работа, — ответил Джексон таким же спокойным тоном. — Главное, что он теперь в безопасности.

— Не смею вас задерживать. Мы позже ещё зайдём с сыном, как только он поправится. Бегите, молодой человек. Я сейчас всё поставлю и пойду. Не беспокойтесь.

Мама Данте суетилась и делала несколько движений и извиняющихся жестов одновременно, произнося при этом сумбурный текст. Как только спасатель скрылся за дверью, она подошла к нужному столу, водрузила на него подарок и немного поправила помятую упаковку.

Ничего не предвещало потрясений, но в следующий момент её взгляд случайно зацепился за фотографию на этом самом столе. Сердце госпожи Квазар бахнуло сильнее чем обычно и следом, кажется, замерло. На столе совершенно незнакомого человека со снимка в милой рамочке на неё, улыбаясь всеми имеющимися в наличии молочными зубами, глядел собственный сын. Маленький и сладкий как зефирка. С пухлыми щёчками и приглаженными заботливой, но безвкусной рукой фотографа, волосиками. В белой рубашечке и с галстуком-бабочкой. Но коечто погрузило её в раздумья: имея прекрасную память, женщина не могла припомнить, чтобы когда-то уже видела это фото. Это выглядело крайне странно, и профессор математики могла поручиться за то, что хорошо знала абсолютно все фотоснимки своего сына. Все без исключений. Скорее всего, на неё сейчас смотрел совершенно чужой мальчик, просто очень похожий на её собственного ребёнка в таком же возрасте. Но какова была вероятность, что этот чужой ребёнок, случайно, как две капли воды похож на Данте? Профессор математики, даже имея острый аналитический ум, сейчас вот так сходу на этот вопрос ответить не могла.

Совершенно забыв о корзинах с едой и цели своего визита, госпожа Квазар медленно вышла из кабинета. В её голове теперь крутились мысли исключительно о фотографии. Она не могла понять, как та оказалась здесь, и что всё это может значить, но решила Данте пока об этом не рассказывать. Мало ли, что это могло быть? Мысль дождаться владельца фото и спросить напрямую отмелась сразу. В чужую жизнь без стука она врываться никак не хотела. В то же время, очень чётко ощутила неминуемую потребность, что рано или поздно ей придётся в этом разобраться. Спокойно забыть произошедшее она уже никогда не смогла бы, ведь с фото действительно улыбался её мальчик. Она не спутала бы родное лицо никогда и ни с кем.

Вернувшись домой, госпожа Квазар тихонько присела на край кровати Данте. Тот не спал, а что-то печатал в своём смартфоне, ловко орудуя двумя пальцами. Сын на мгновение отвлёкся от своего занятия и поднял взгляд на мать. Та молча потрогала его лоб, что делала несколько раз в день, хотя температура давно пришла в норму.

— Когда совсем поправишься, — без предисловий начала она разговор, — мы обязательно навестим спасателей вместе. Они заслуживают нашей благодарности. Мне сегодня не удалось застать их всех семерых. И твоего спасителя я тоже не видела. А я непременно хочу с ним познакомиться и обнять, если он позволит.

— Ты ездила в службу спасателей? — бросил своею писанину Данте и сосредоточил взгляд на матери. Надо сказать она его удивила.

— Да, сынок, извини, я не удержалась, но в итоге зря поехала. Никого не нашлось на месте, только их начальник. Мы немного поговорили.

— Хорошо, мам. Обязательно съездим вместе, — Данте одобрительно кивнул и улыбнулся. Он действительно с ней согласился, хотя внешне выглядел слегка отрешённым.

Госпожу Квазар немного передёрнуло от новой порции осознания того, что улыбка её взрослого сына осталась прежней, с той разницей, что молочные зубы сменились на постоянные. Мама тоже кивнула, но неспокойные, хаотичные мысли не покинули её голову, продолжая сталкиваться друг с другом. Она снова и снова вспоминала фото на столе врача, размышляя совпадение это или что-то другое? Она перебирала разные варианты и пока безуспешно пыталась найти ответ.

Через несколько дней проведённых в тандеме со скукой и оздоровительном сне, Данте почувствовал себя гораздо лучше. С утра его звёздное величество посетил лечащий врач и после осмотра сообщил, что восстановление идёт отлично и теперь лишь нужно сделать упор на хорошее питание и витамины. Доктор записал назначения, не осознавая, что открыл ящик Пандоры одной только фразой «хорошее питание» и покинул помещение.

Тяжесть частично оставила плечи матери, перенёсшей сильнейший удар. Все педагоги университета, работавшие в день, когда в горах произошло землетрясение проверяли аудитории, подгоняя задержавшихся студентов на выход. Их здание лишь немного качнуло, но деканат принял решение отменить занятия. В тот момент ей сообщили о том, что случилось с Данте. Она словно онемела и потеряла связь с реальностью, когда коллеги трясли её за плечи и пытались пристроить в одеревеневшие пальцы стакан воды, попутно несколько раз повторяя что всё будет хорошо, что парня спасли, что его везут в больницу. Она мысленно проходила через круги ада от одной мысли, что может потерять и сына вслед за мужем. Только в госпитале, после того как обняла бледного, но своего живого мальчика, она потихоньку пришла в себя. Совсем не по возрасту седая женщина, пережившая однажды потерю любимого человека, даже не представляла в самом страшном кошмаре, что на её долю может свалиться второе испытание смертью. Хорошо, что всё почти закончилось и их жизнь снова станет прежней. Не радужной, не простой, но прежней, где они есть друг у друга, хоть и видеться им приходилось достаточно редко.

Давила на женщину ещё одна слишком больная тема. Она догадывалась, что разговор об этом сыну снова не понравится, если сейчас его начнёт, что случалось не раз и не два, но ей двигало не праздное любопытство, а переживания за единственного родного человека. Мать, сидя в захламлённой, но вполне уютной гостиной, хоть и опасалась раздражения со стороны Данте, но всё же решилась завести этот неприятный разговор здесь и сейчас, на фоне последних событий, которые с ними обоими произошли. Она старалась говорить мягко, но по-деловому, чтобы хоть частично скрыть своё волнение, ведь Данте в любой момент мог вернуться в свою квартиру и его уже будет не поймать. А по телефону такие вещи обсуждать точно не стоило.

— Сынок, у тебя ведь в этом году заканчивается контракт? Думал уже над этим? — спросила она как бы вскользь, параллельно наблюдая за выражением лица напротив. Данте отреагировал также. Как бы расслабленно и между делом.

— Ну да, а что там решать? Карьера на пике. Думаю, новый контракт в агентстве уже готовят. Если меня всё устроит — подпишу. Мне нравится то, что я делаю, мам. Или ты что-то конкретное имеешь ввиду? Ты как-то странно сейчас на меня смотришь. Только пожалуйста не говори, что мне показалось. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Да вот и не говорю, тебя же не проведёшь. — госпожа Квазар улыбнулась уголком рта. — Я волнуюсь. Ты работаешь на износ, а дома тебя всегда жду только я. Тебе двадцать пять — самое время заводить семью, а эти драконовские контракты… — Мать оборвала фразу, не закончив. — Хотя, может, у тебя есть кто-то, кого я не знаю. Но я просто не хотела бы, чтобы ты снова подписывал этот «обет безбрачия» на следующие шесть лет.

Данте, отведя взгляд в сторону, ответил сухо, но не грубо. Он слишком любил мать, чтобы показывать ей своё раздражение, хотя вопросы его личной жизни и правда очень бесили.

— Нет. У меня никого нет, и никого не нужно. Мне и так всё нравится.

Мать вздохнула, чувствуя, что за этими словами, которыми тот прикрывался как щитом, всегда прячется что-то другое. Она изучила уловки сына не менее хорошо, чем он её. И знала, что ждать от него откровенно разговора на эту тему было сродни чуду, но попытаться стоило, ведь что такое жить одной она ощущала каждый день не понаслышке.

— Ты уверен? — спокойно продолжила она. — Иногда мне кажется, что ты просто прячешься за этими фразами.

Данте на мгновение замер. В его глазах мягко полыхнула тень грусти, но он мастерски быстро взял себя в руки. Скрывать свои чувства и эмоции давно стало частью его жизни.

— Не надо, ма, не думай так. Я сейчас не хочу, чтобы женщины или дети влияли на мою жизнь, если ты об этом. Мне и так забот хватает. Я пока не вижу себя семьянином с колясками и велосипедами. Не готов. Просто не хочу ничего менять. Понимаешь?

Женщина покачала головой, стараясь не показывать, насколько расстроилась такими ответами.

— Ты говоришь «не хочу», но мне кажется, что это звучит как «не могу себе позволить».

Данте тоже не хотел показывать своих эмоций, но у него плохо получилось.

— Только пожалуйста, не нужно, меня жалеть, — пробормотал он уже не в силах скрывать недовольство. — Я этого не люблю. Ты же знаешь.

— Но ты мой сын, — пока не отступила и спокойно возразила мама. — И ты уж прости свою старушку, но я вижу, как ты страдаешь. В девятнадцать лет оно казалось проще, да? Ты думал, что сможешь всё контролировать, что жизнь будет идти по твоему плану. Но жизнь… — профессор замолчала на несколько секунд, — она редко идёт по плану, сынок.

Данте опустил голову и его голос неожиданно стал каким-то осипшим.

— Может быть.

Мать положила руку на плечо сына и её глаза в этот момент наполнились теплом и пониманием.

— Хорошо. Но только помни, что ты не один, мой Данте. Ты никогда не был один. И ты не должен бояться иногда побыть слабым. Быть сильным — это не значит постоянно делать вид, что всё хорошо.

Данте закрыл глаза и постарался как можно незаметнее для матери выровнять дыхание, но в груди навязчиво возникло старое ощущение чего-то вязкого и тяжёлого. Того, что много лет не отпускало. Того, что хотелось помнить всегда или начисто забыть. Эти метания мучили его давно и без возможности от них избавиться. В начале карьеры он пытался с этим бороться, но методы выбрал не те и чуть не поплатился. Хорошо, что вовремя сумел взять себя в руки.

— Просто я не хочу тебя расстраивать, мам, — тихо прошептал он.

— Ты никогда меня не расстроишь, сынок, — ответила профессор, улыбаясь своей обычной тёплой улыбкой и морщинками вокруг глаз. — Ты мой сын, и я всегда буду гордиться тобой, независимо от того, какую жизнь ты выберешь. Мне только иногда хочется иметь возможность говорить с тобой о том, что меня беспокоит.

Данте молча кивнул, подтверждая, что такая возможность у матери есть и ощущая, как на душе становится чуть легче. Он всё чаще чувствовал себя загнанной лошадью, но, возможно, впервые за долгое время именно в этот момент позволил себе надеяться, что когда-нибудь найдёт выход из проклятого лабиринта.

Мать больше ничего не сказала, поднялась и ушла к себе.

«Нужно вычеркнуть этот пункт из контракта к чертям!»

Данте решительно осадил свои собственные мысли, шевелящиеся до этого момента совсем в другой плоскости. Из контракта, который ему уже прислали для ознакомления и который он собирался прочитать и подписать со дня на день, надо убрать этот пункт для маленьких мальчиков, которых нужно контролировать везде и во всём. Данте, вспоминая себя несколько лет назад, был с этими ограничениями даже согласен. А наблюдая за нынешними молодыми артистами согласен вдвойне. Но он не они и сам с тех пор изменился. Слова матери, не лишённые смысла, только напомнили, что он уже не ребёнок и класть свою жизнь к ногам компании больше не намерен. Они квиты. Лейбл принёс ему славу и карьеру — он отдал им шесть лет своей жизни и талант. Наверное, время меняться действительно наступило.

«А если они не пойдут на такие условия?»

Мысль, возникшая в этот момент, пробежалась лёгким неприятным волнением в животе. Такое могло случиться.

«Мама, конечно, насторожила: почему именно сейчас она завела этот разговор? Что-то произошло? Или, правда, это связано только с окончанием контракта? Ладно…»

Данте решил подумать об этом позже и не в таком разобранном состоянии, а сейчас спать, спать и ещё раз спать, пока есть возможность. Пока можно выспаться на десять лет вперёд.

Но сразу ему всё равно уснуть не удалось, словно проблема повисла в воздухе и мешала. Полежав со своими мыслями ещё несколько минут, то ли закрепляя их в сознании, то ли подбирая нужные слова и тон, Данте нажал кнопку контакта в телефоне, в быстрой попытке освободиться от навязчивого вопроса. Он, с некоторых пор уверенный в себе статусный артист, общался с директором агентства на равных и обращаться к нему с просьбами или даже замечаниями не вызывало в нём прежнего трепета. Детский страх тоже давно его покинул, но сейчас отчего-то тело покрылось липким потом, а в ушах зашумело, оформляя тревожную сцену. А может его состояние стало тому причиной? Данте не углубился в варианты. Если он решился изменить пункт в контракте, нужно просто его изменить и не загоняться на пустом месте.

— Хей, босс, привет! — заулыбался он в трубку, выслушав тираду вопросов про самочувствие.

— О, привет, малыш. Ты в порядке? Уже встаёшь? Врачи что говорят?

— Да, нормально всё. Пузо чешется, и мамина еда надоела. Вернее, не мамина, а та которую эти звери в белых халатах заставляют её готовить. Во мне сейчас только вода и какая-то смесь из травы, а самое приятное в рационе — перепелиное яйцо. Никогда не думал, что докачусь до такого. Так мяса хочется жареного.

Данте застонал и его рот наполнился слюной, как у голодной собаки, смотрящей на еду, которую ей не дают.

— Потерпи. Надо значит надо. Я надеюсь, ты уже достаточно взрослый, чтобы не капризничать? Делай всё что говорят врачи и передавай привет маме.

— Передам. Вот как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

— О маме?

— Да нет. Не о маме. А о том, что я уже повзрослел.

Директор взял короткую паузу, слишком заметную на фоне его предыдущего безудержного трёпа про здоровье. Можно было подумать, его тоже посетило предчувствие, что жизнь после того, как Данте Квазар произнесёт следующую фразу уже не станет прежней. Он знал по опыту, что когда артисты начинают разговор со слов: «я повзрослел», или «жизнь меняется», то ничего хорошего из этого не вытекает. Поэтому выражения: «покрылся липким потом» и «застучало в висках» теперь отлично применялись не только к Данте, а и к его собеседнику.

— Ну, вещай, пока меня инфаркт не хватил, — не стал растягивать своё неудовольствие директор.

— Не представляю о чём ты подумал, но у меня и в планах нет ничего страшного, — наивно предположил Данте. — Я хочу изменить всего один пункт в контракте, ничего предынфарктного, верно?

Только самому Данте могло показаться странным, что босс уже догадался о каком пункте пойдёт речь. Но жизненный опыт не обманул менеджера со стажем.

— Я уже повзрослел и хотел бы вернуть права на личную жизнь. Только и всего. Ведь это не проблема, учитывая, что ты мне не оставляешь на неё ни минуты. И тем не менее, пришли мне новый вариант договора. Тот, что я получил, я в таком виде не подпишу. Всё остальное меня устраивает. Извини, босс.

«Вот оно. Дождались».

Директор позволил себе вторую паузу, более длительную чем первая. Он нервными движениями пытался вытащить сигарету из пачки слишком громко, выдавая своё волнение, не дождавшись конца разговора.

Данте это и услышал, и почувствовал спинным мозгом. Но списал напряжение директора на эффект неожиданности, не более. А тот, напротив, уже был уверен, что какая-то зараза крутит его артистом не в ту сторону, в которую надо. Лейбл планировал сотрудничество с Квааа-

ром минимум три контрактных периода. Планов составили на пять лет вперёд, а то и больше. Прекрасная форма Данте, который создавал минимум проблем, по сравнению с остальными артистами и группами лейбла рисовали прекрасную перспективу. Лет пять-шесть назад мальчишка умел удивлять, но потом, в один прекрасный момент встал на нужные рельсы и ударился в зарабатывание денег на выгодных для всех условиях. И теперь эти рельсы, кажется, закончились.

«Ох, не к добру это, не к добру».

— Малыш, я всё понимаю, хотя не понимаю. Тебе что, плохо жилось без этого пункта? Вроде за тобой никогда не водилось желание жениться или завести детей? Или я что-то упустил? У тебя кто-то появился?

Директор с усилием выдувал изо рта сигаретный дым.

— Да никто у меня не появился, расслабься. И папаша из меня так себе, если разобраться. Просто…

Данте не мог выразить свои мысли так же борзо, как они звучали в его голове, поэтому всё, что он вымучил, выглядело так, словно он пока ещё не очень повзрослел.

— Ну, потому что мне просто так хочется. Хочется и всё. Думаю, я заслужил право распоряжаться своей личной жизнью. Дорос до этого. Встал на новую ступень развития, если хочешь. Эволюционировал. А вот пользоваться им или нет — это другой вопрос. Может и не пригодится. Сделаешь это для меня, босс?

— Хорошо. Мы подумаем. Ты же понимаешь, что это не моё решение. Я поговорю с главным и юристами. Позже вернёмся к этому разговору. Хорошо, малыш? А сейчас слушайся врачей, маму и поправляйся скорее. Тур сам себя не подготовит.

Директор дождался одобрительного «ок» и первым прервал разговор, в надежде что это действительно просто прихоть, а не явно возникший повод. Данте никакого подвоха не заметил и устроив уютное гнездо из одеяла спокойно уснул.

Но безмятежного сна и в этот раз не случилось. Он снова проснулся среди ночи в холодном поту. И снова ему приснился этот жуткий сон: почва под ногами проваливается, он летит в расщелину, в глаза и рот попадает земля. Хлопнулся, как мешок на твёрдую поверхность, и на секунду почувствовал сумасшедшую боль. Потом темноту. Потом только голос. Очень приятный и возвращающий ненадолго в сознание.

— Теперь всё будет хорошо. Потерпи. Сейчас мы тебя вытащим. Дыши, мой хороший. Дыши.

А через несколько дней постельного режима и закрепляющего результат недельного валяния на диване, Данте всё-таки подъехал к базе спасателей, вышел из машины и направился к зданию. Мама отрабатывала отгулы, а он свободный и уставший от домашнего заточения и особенно каши решил прогуляться и перехватить немного фастфуда, для поднятия тонуса и пользы дела. Мама была не очень согласна с тем, что ему пора выходить из дома, но посещение базы спасателей запретить не смогла.

Озираясь по сторонам по привычке, он с любопытством рассматривал не самое презентабельное серое строение, вполне типичное для такого рода учреждений. Данте не предполагал, как его встретят и что он скажет тем, кто рисковал жизнью ради него. Речь заранее не готовил, но очень хотел обнять этих людей или просто пожать им руки. Ведь то, что он мог сейчас видеть, дышать, а главное петь — только их заслуга. Несмотря на то, что это работа, выразить свою благодарность за спасение он, как и мама, считал правильным и уместным.

Амая Вега, торчала на пол корпуса из распахнутого настежь окна и, качая задницей в такт музыке, звучащей в её голове через наушники, заметила Данте Квазара, уверенно приближающегося к входу в их здание. Как она его узнала? Да вот так и узнала. Узнала бы из миллиона, из миллиарда человек. Каждый жест, походку, глаза, выглядывающие из-под маски и до боли знакомые. Сердце её сжалось в комок и упало куда-то вниз. Она сначала быстро выпорхнула из кабинета, намереваясь избежать неминуемой встречи, но потом неожиданно вернулась и незаметно для всех, кто находился в комнате убрала в ящик стола фотографию сына. Снова проходя мимо коллег, она сдвинула брови к переносице пытаясь всех запугать и заговорщическим шёпотом попросила не выдавать её местонахождения.

— Если спросит, скажите, что меня нет.

— А где ты? — поинтересовался на всякий случай Тим Руис с позывным Панда, — их второй врач.

— Улетела в Парагвай, — ответила она. — Навсегда.

— А кто должен спросить? Я не понял.

— А вот кто спросит, тому и скажи, — крикнула она на бегу уже из коридора.

Ребята удивлённо переглянулись. Все, кроме Джексона, который в этот момент находился как раз у самого входа в здание, где и догнал Данте, а ещё невольно помог Амае незаметно смыться, задержав звезду поколения разговором.

— Здравствуйте, — начал капитан, протягивая руку. — Если не ошибаюсь вы господин Квазар? — Я вас сразу узнал. Моя жена не пропустила ни одного вашего выступления. Я начальник команды, которая проводила спасательную операцию, но вы вряд ли нас помните.

— Да, это я, — ответил тот, слегка смутившись, хотя давно уже привык к популярности. — Для вас я просто Данте и, если можно, сразу на «ты». Я хотел поблагодарить вас всех за то, что спасли меня тогда. Можно мне увидеться с вашими сотрудниками, если это удобно прямо сейчас?

Капитан кивнул, но его взгляд вдруг стал чуть серьёзнее.

— На самом деле, вам особенно стоит поблагодарить одного человека. Нашу коллегу, которая мало ест и может пролезть в игольное ушко. — Капитан снова стал весёлым и засмеялся, разрядив обстановку. — Её позывной — Ирбис.

— Ирбис? Как красиво звучит. Но вы меня просто ошарашили сейчас. Ваш коллега, который меня вытащил — девушка? Вот уж неожиданно, — ещё больше отчего-то смутился Данте.

— Да, — продолжил капитан. — Это только она смогла пролезть в узкую щель между камнями, чтобы добраться до вас. В смысле, до тебя. Она оказала первую помощь, остановила кровотечение и прикрыла тебя брезентом, когда осколки породы начали сыпаться сверху. Мы расширили проем, чтобы тебя вытащить. Она то пролезла, а вот ты точно не смог бы. Да и с неизвестным характером травм транспортировка без фиксации на носилках запрещена, поэтому твои и так не маленькие объёмы увеличились тогда ровно на носилки. Вот как-то так.

Данте слушал и не шевелился, осознавая только сейчас, сколько всего произошло в те минуты, которые он не помнил.

— Ого! Я… я даже не знал, — прошептал он.

— И это ещё не всё, — добавил капитан. — Именно она настояла на том, чтобы в госпиталь сразу вызвали бригаду пластических хирургов. Никто из нас даже не подумал бы об этом. А она догадалась. Так что, если хочешь кого-то благодарить, начни с неё.

Данте опустил голову, переваривая полученную информацию.

— А где она сейчас? Могу я с ней встретиться и поговорить?

— Посмотри в нашем кабинете. Она должна быть там. Я, к сожалению, спешу и не смогу тебя сопроводить, но у нас простое расположение и ты не заблудишься. В крайнем случае, попроси дежурного на стойке тебя отвести. Он точно не откажет. Скорее всего его супруга тоже коллекционирует твои пластинки.

Джексон засмеялся, похлопал Данте по плечу и удалился в сторону пожарной части.

Данте действительно очень быстро сориентировался в незнакомом пространстве и так же быстро получил первую порцию разочарования.

— К сожалению, её сейчас нет на базе. Но я передам, что вы приходили. Она будет рада узнать, что вы в порядке, — уверенно врал Панда, скрестив пальцы за спиной.

Данте кивнул и сделал несколько шагов навстречу своим спасителям, которые повскакивали с мест и тоже зашагали к нему навстречу. Дальше последовало немного робких объятий, тёплых слов и совсем чуть-чуть любопытного разглядывания. Они рассматривали кумира поколений, а он в ответ рассматривал людей, которые бесстрашно бросаются на спасение попавших в беду. Он видел репортажи о спасательных операциях в новостях и даже как-то на гастролях наткнулся на сериал про спасателей, но это другое. Теперь он смотрел на скромных героев по-иному, с замиранием сердца, на расстоянии вытянутой руки и даже немного ближе. Это завораживало.

— Спасибо вам всем огромное. Если бы не вы… Спасибо. Передайте ей, что я… что я никогда этого не забуду.

— Обязательно передам. — пообещал Панда, — И берегите себя.

Данте вышел из здания, чувствуя, волнение в теле и благодарность. Одно дело слышать о своих спасителях, а другое — увидеть их своими глазами.

Обычные с виду люди. Молодые, красивые. Тот, что с ним говорил и представился как Панда, вообще с внешностью кинозвезды. Но имея такую незаурядную медийную красоту, он отчего-то стал врачом, и не просто в больнице в белом халате, хотя и там работа не сахар, а постоянно рискует своей жизнью, спасая людей в тяжелейших условиях. Что наталкивает на такой выбор профессии, интересно?

С этими мыслями он сел в машину, но перед тем, как уехать, ещё раз взглянул в сторону базы.

Где-то там работала женщина, которая спасла его жизнь, не думая о себе, и он решил, что непременно должен вернуться и поблагодарить её лично. И ещё, ему очень захотелось посмотреть, как та выглядит, если уж от её коллеги он словил такие вибрации, что в пору помолиться.

Глава 2 Чёрная дыра

Данте вместе с компанией проводил время в своём горном шале. Те люди, что постоянно окружали его лишь опосредованно считались друзьями, просто он не знал, как ещё можно их называть. По началу, когда он совсем ещё глупый и неопытный почувствовал вкус славы, ему такое даже нравилось. Искреннее внимание и восхищение он перепутал с вожделением и использованием.

Однако, это сомнительное веселье уже давно ему наскучило. В тот самый момент, когда он более или менее во всём разобрался, когда научился читать людей гораздо глубже внешних проявлений и фальшивых слов. Разобрался и сразу же смирился. Решил не выбиваться из тусовки и поддержал то, что в музыкальной среде считалось нормой.

Так и случилось, что веселились теперь, по большому счёту, только они, а Данте покорно принимал правила игры, в жалких попытках усмирить чувство, что такая «личная жизнь» — не то, о чём он мечтал когда-то на заре своей юности, и уже с трудом выносил бесконечный балаган, хотя до старости и мудрости было далеко. В этой тусовке многих настигали либо раннее взросление, либо ранний конец. Держать нейтралитет мало кому удавалось, а круговая зависимость пожирала слабых.

Некоторые легче переживали весь этот цирк, оставаясь в нём вечными беззаботными паяцами. Данте такой сценарий не устраивал. Да и цирк он с самого детства на дух не переносил. В очередной раз попытка уединиться и спрятаться в горах провалилась. Он собирался отдохнуть в самодостаточном одиночестве и просто подумать, проветрив голову свежим горным воздухом, но разве таких как они остановишь? Друзья решили, что ему грустно и их пьяные вопли — это то, что ему сейчас непременно нужно. Но вот в чем парадокс: когда Данте осмотрев равнодушно «милую» веселящуюся компанию вышел из гостиной, никто из шумной толпы, спасающей его от одиночества, этого факта даже не заметил.

Он, лениво волоча ноги по ступенькам поднялся в просторную мансарду с огромным треугольным окном и загнездился в уютном мамином кресле — личном уголке профессора Квазар с тёплым пушистым ковром на деревянном дощатом полу и книгами, щедро расставленными по всем стенам без исключения. Мать приезжала сюда не часто, но Данте постарался, чтобы даже раз в полгода той было комфортно и уютно в этом поместье.

Накинув мамин плед, он немного расслабился и разные мысли зашуршали в его голове своими свитками. В такие моменты Данте думал о многом, но на протяжение шести лет в памяти всё чаще и чаще всплывали образы самой красивой в мире девушки и жестокая история их расставания. Воспоминания о ней то душили его, то злили своим нежеланием раствориться во времени. Таких как она он больше не встречал, да и шанса, по правде говоря, не представилось ни одного.

Нет, кто бы что не думал, его работа ему нравилась. Он её обожал. Но вот окружение, это то, что он спрогнозировать в свои девятнадцать лет никак не мог. Предполагал, но думал, что у него всё будет не как у тех артистов со своими грустными или трагическими примерами разрушенной жизни. По молодости обычно все так и думают. Тогда будущее представлялось по-другому, но сложилось всё по неписаным законам шоу-бизнеса. Трясина засосала и Данте Квазара, вопреки сопротивлению. Хотя сопротивлялся не слишком настойчиво, как оказалось.

Та девушка, она была словно лосось, который водится только в чистой воде. А вода, в которой плескался Данте, чистой уже не станет никогда, даже если насыпать туда тонну дезинфицирующего средства.

Продюсер тогда убедил его, что это будет безопаснее для неё, той самой девушки. Поклонники не оставили бы её в покое, могли и навредить, и помешать учёбе, да и ещё что-нибудь натворить от своей любви к артисту. Тем более, что примеры других звёзд так и полыхали перед глазами заголовками статей. Продюсер твердил, что для всех артистов существует требование, которое закреплено в контракте на шесть лет, и нарушать его нельзя. Исключений в этом плане не будет и точка, так же, как и времени на отношения в расписании не предусмотрено.

— Но ты можешь отказаться, выплатить неустойку и покинуть компанию, — равнодушно говорил он загнанному в угол парню, подающему огромные надежды, но не имеющему опыта отстаивать свои интересы.

То есть, ему давали выбор, которого, по сути, не существовало, как и денег на чудовищную неустойку. Его мать хорошо зарабатывала, но такую сумму им всё равно было не потянуть. Профессор университета — это не глава мафиозного клана. Данте смирился тогда, но теперь, всё чаще, и сейчас, в тишине гор, его терзали сомнения и сожаления.

В тишине? Да где же эта тишина? Нет её и быть не может.

Шесть лет назад, в коридоре агентства, с которым подписал контракт совсем ещё мальчишка Данте Квазар, встретились директор и продюсер музыкального лейбла.

— Ну что, обработал нашу звезду?

— Да иди ты.

— Не бесись. Они все хотят и славу с деньгами, и любовь. Можно подумать, я не хочу, и ты не хочешь. Только вместо этого мы нянчимся с ним ради его же светлого будущего. Ну и нашего естественно.

Продюсер устало провёл ладонью по лицу.

Директор пожал плечами, изображая то ли безысходность, то ли равнодушие и скрылся в своём кабинете.

А через шесть лет самый желанный мужчина этой страны в самом рассвете сил сидел в уютном уголке горного шале и остановившимся стеклянным взглядом смотрел в окно на ухудшающуюся погоду. Влага предательски дрожала на его длинных ресницах.

— Да, тебе и правда здесь не место, мой тигрёнок. Надеюсь, ты счастлива без меня, и я не успел разрушить твою жизнь.

Так успокаивал себя вечный жених всей страны время от времени, даже не представляя как горько и безутешно плакала о нём тогда, шесть лет назад, хрупкая девушка. Тихо плакала под дождём. Когда проснулась одна на смятой постели и выбежала из мотеля, второпях натя-

нув джинсы и майку, но её парня, который клялся ей в вечной любви больше раз чем того требовали законы романтики, уже и след простыл. Ни в обозримом пространстве, ни в их будущем, которое они иногда рисовали пальцами по разгорячённой коже, лёжа в тёплых объятиях друг друга.

И телефон Данте тогда замолчал. Соцсети исчезли. Связи разорвались. А на следующий день весь интернет завалило новостями о том, что скоро состоится дебют подающего большие надежды, очень талантливого исполнителя Данте Квазара. Амая сразу поняла, что это значило. Объяснений не потребовалось. Её Данте той ночью с ней попрощался. От осознания произошедшего стало так больно, что не нашлось оправданий для утешения. Она всего несколько часов назад парила на вершине блаженства от любви, как казалось взаимной, и купалась в мечтах с надеждой строя планы на совместное будущее с любимым человеком. Она не подготовилась к предательству, о котором даже достаточного количества книг прочесть не успела. От нового ощущения вселенской боли и всепоглощающей тоски её тогда могла спасти только комната брата, в которой она в шутку пряталась с самого детства. Но в тот день шутки закончились.

Данте всего этого не знал, а представлять старался как можно проще. Не ради себя, а в надежде, что Амая пережила их расставание без особых последствий. Молодость он посчитал достаточным аргументом для этого. Данте не знал и не мог знать, что возраст — это не лекарство и не защита. Возраст это просто возраст и никаких гарантий никому не даёт.

Данте вытер влажные глаза рукавом. Воспоминания об их последней ночи накрыли его прямо здесь и непонятно по какой причине. Это всегда случалось внезапно и болезненно. Он так силился её забыть, но будто в наказание небес иногда очень живо вспоминал её тёплый взгляд из-под светлых кудряшек и плавные изгибы худенького тела.

— Прости, я не готовилась заранее, а сегодня в магазине нашла только это, — чирикала она в ту ночь, даже не представляя финала заготовленной для неё сцены, который разрушил её маленькое нежное сердце. — Но ведь барс тоже из семейства кошачьих. — И она робко протянула своему любимому цепочку с кулончиком в виде горной кошки — подарок на их первую годовщину.

Данте называл её тигрёнком. Шутил постоянно, что до тигрицы она ещё не доросла, хотя имела на это все шансы. Но вместо ответного подарка просто оставил её в мотеле после ночи любви. Он не смог себе в этом отказать. Ведь любил. Сильно любил. Хоть один, последний раз, чтобы запомнить навсегда ласки и стоны любимой девушки. Он струсил сказать ей это лично и просто одним кровавым ударом уничтожил всё что цвело и горело между ними. Думал, что поболит и пройдёт. Думал за двоих, хотя не имел на это никакого права.

Так Данте, с теплотой к Амае и презрением к самому себе, вспоминал своё прошлое. Думал, где сейчас его тигрёнок? Наверное, уже отучилась на пластического хирурга. Она мечтала об этом с тех пор, как на теле её брата пожарного появились первые ожоги.

«Нужно будет хотя бы узнать, как у неё дела. Хотелось бы, чтобы в её жизни всё удачно сложилось».

Данте об этом думал уже много раз, но в итоге так и не узнал. Мысли, как правило, приходили ночью, а на утро его обычно уже закручивали новые события, работа, и он погружался с головой в условия выполнения контракта. Потом вспоминал снова и думал уже по-другому.

«Ну и хорошо, оно и к лучшему, значит так и надо. Не нужно лезть в её, чужую жизнь».

Вдруг относительную тишину нарушил низкий, нарастающий гул, словно земля застонала от боли вместе с Данте. Сначала он ощутил едва заметную дрожь в ногах, затем послышался звон посуды на столе и закачалась тяжёлая железная люстра-подсвечник в стиле лофт. Но через мгновение толчки стали сильнее. Стены затрещали, а с полок посыпались безделушки и посуда. Книги продержались чуть дольше.

— Землетрясение! — кто-то из гостей крикнул почти очевидную вещь, и в доме началась паника. Здесь такое случалось не редко, но ни тематические уроки в школе о том, как нужно себя вести во время землетрясения, ни жизненный опыт не давали людям гарантию выживания.

Парни и девушки, ещё недавно развалившиеся на диванах с бокалами вина, теперь метались по комнатам, хватая одежду, телефоны, роняя и подбирая ключи от машин. Кто-то уже бежал к двери, кто-то спотыкался о разбросанные вещи. Все уже успели напиться, но адреналин заставлял их двигаться быстрее спасая себя.

— Выходите! Быстро! — кричал один из парней, уже стоя на улице.

Машины заводились с первого, со второго или третьего раза. Из-за спиртного страх притупился лишь незначительно, являясь главной и мощной движущей силой. Меньше, чем через минуту, два автомобиля рванули вниз по дороге, оставляя за собой клубы пыли. Никто не оглядывался. Никто не считал, все ли на месте.

Только Данте задержался. Он не побежал на улицу сразу, как остальные. Вместо этого метнулся по комнатам, проверяя, не остался ли кто-то внутри.

— Все вышли? Эй, тут кто-то есть?

Никто не ответил. Только треск дерева и звон бьющегося стекла. Когда хозяин убедился, что шале пусто, он тоже бросился к выходу, но уже слишком поздно.

Снаружи начался камнепад. Глыбы скатывались с горы, с грохотом ударяясь о землю и перекрывая дорогу. Одну из машин, не успевшую покинуть поместье, завалило стволами деревьев. Данте замер на пороге, глядя на хаос перед собой и на то, что осталось от его автомобиля класса люкс. В тот момент он понял, что уехать уже не сможет.

Данте принял единственно правильное решение, добежать до открытого места, но новый толчок был сильнее предыдущих. Не удержавшись на ногах, он потерял равновесие и упал. Земля под ним поползла, он покатился куда-то вниз и, не имея даже малейшей возможности хоть за что-то зацепиться, свалился в расщелину.

Последнее, что он увидел, теряя сознание, лишь узкую полоску света где-то над собой. Его тело пронзила острая боль. Он попытался пошевелиться, но не смог. Данте почувствовал, как тепло растекается по его телу, смешиваясь с холодом.

— Помогите… — его голос прозвучал слабо, едва различимо на фоне звуков бесную-щейся природы.

Он оказался в полной темноте и лишь крошечный луч над головой постепенно расплы-вался и угасая, оставлял слабую надежду. Данте закрыл глаза, чувствуя, как сознание ускольз-ает от него. Последнее, что он ощутил это холод земли под пальцами и далёкий глухой звук падающих камней. А потом не стало ничего.

С момента получения тревожного вызова прошло всего несколько минут. Из иллюмина-торов вертолёта хорошо просматривались изменения ландшафта некогда в деталях знакомой территории. Спасатели не узнавали изученную вдоль и поперёк местность.

Рация Джексона заскрипела.

— «Семёрка», внимание, шале на правом склоне. Частная резиденция. Оно там одно на несколько километров, не заблудитесь. Отправляю геолокацию. По неуточнённым данным в доме остался один человек. Хозяин шале — певец Данте Квазар. Его пьяная компания успела унести ноги. Они вряд ли могли мыслить здраво, а уж считать тем более. Так что отмечаю число пострадавших как неизвестное.

Одна из членов команды спасателей в этот самый момент получила неслабый удар адре-налином. Остальные слушали спокойно.

— Принял. Будем искать. Найди номер его телефона, срочно. Начнём искать по звуку. Но давай сюда кинологов. Мы уже видим последствия оползня. Могут понадобиться собаки.

Пилоты искали площадку для посадки, а Ирбис искала свои ноги, которые вдруг пере-стала чувствовать от потрясения.

Вертолёт удалось посадить совсем близко от чудом уцелевшего дома. Он не попал в эпи-центр и удержался за склон, словно дерево корнями. Там проверили в первую очередь, но без-результатно. Помещения шале не пострадали и их удалось исключить все до одного. Амая, дрожа всем телом заглянула в заваленную стволами деревьев и камнями машину. К счастью, в пустом салоне она обнаружила только грязь и стекло.

Вариант с телефоном должен был сработать. Вряд ли Данте успел убежать далеко. Порода сползла совсем рядом с домом и разрушила дороги. На подлёте никто из команды движения человека по местности не заметил.

— Режим тишины, — приказал Джексон и набрал номер Данте Квазара.

Все члены команды, включая пилотов, разошлись, как можно дальше друг от друга и замолчали. Несколько секунд ожидания показались Амае вечностью, но сработало.

— Здесь! — крикнул Техас.

В туже секунду все кинулись к пилоту, но он их притормозил.

— Осторожно! Обходите там, здесь щель, а сверху глыба. Нарушите гармонию и его придавит. Сначала осмотритесь как следует.

Спасатели остановились. Первыми пошли техники Голд и Йода. Они осторожно подползли к щели, из которой раздавался слабый звук рингтона, и посветили внутрь фонарями. Остальные спасатели терпеливо ждали вердикт.

— Нормально! Мы видим человека! — крикнул Йода, — Только если у нас в команде есть змея, которая пролезет к нему, закрепит опору и закроет, тогда достанем. Мы сможем отбить породу и расширить проём. Он то туда провалился, но глыба закрыла выход. Вот обратно он уже не вылезет, даже если жив. А если мы сейчас начнём расширять проём, то первый же осколок его может убить.

От этих слов Амая почти умерла сама. Она медленно, на ватных ногах, двинулась к щели, не дожидаясь приказа капитана, легла на живот и заглянула внутрь чернеющей пустоты.

— Данте! Ты слышишь меня? — крикнула Амая, всем телом прижимаясь к холодному камню. Её голос сорвался, обнаруживая волнение, но никто не заметил. Всем было не до этого.

Из глубины доносился слабый звук рингтона. Джексон так и не сбросил звонок.

Несколько бесконечно долгих минут спасатели тихо переговаривались между собой, оценивая ситуацию. Человек там внизу лежал без малейшего движения. Определить, жив ли он, с такого расстояния не представлялось возможным, но мокрое пятно неестественного багрового цвета прямо рядом с ним наталкивало на очень плохие прогнозы.

— Я могу попробовать пролезть. Щель узкая, но я, кажется, пройду. Вы все жирные как слоны, а я красавица принцесса, — уверенно сказала Амая.

— Это слишком опасно, — возразил Джексон. — Порода нестабильна. Если обвалится, ты окажешься в ловушке вместе с ним.

— Предлагаешь просто постоять здесь, послушать музыку и подождать гномов? Джексон, я понимаю, что ты за меня волнуешься, но я давно не маленькая сестрёнка твоего друга. Я тоже спасатель в твоей команде. Приём, дедуля! Если он жив — мы должны его спасти. Работа у нас такая. Отомри и командуй.

Амая закрыла глаза лишь на мгновение, словно взвешивая все риски. Потом резко сняла с себя снаряжение: каску, рюкзак, ремни и даже верхний комбинезон. Осталась в специальном обтягивающем нижнем комбинезоне. Всё, что могло помешать ей исполнить задуманное, она сбросила на землю.

— Я полезла. Страхуйте и готовьте опоры.

— Амая, ты не пройдёшь, — попытался остановить её Панда.

— Ты просто завидуешь моей стройности и не хочешь, чтобы мне дали медаль. Так и скажи, — ухмыльнулась Амая.

— Да лезь ты уже, чёртова кошка, — парировал в ответ Панда. — А то тут ветер. Это вредно для моей кожи.

Переговоры спасателей мало отличались от разговоров врачей в операционной. Тоже особый литературный жанр. Каждый по-своему справляется со стрессом. Люди, от которых зависела жизнь, своя или чужая, зачастую делали это таким странным образом. Наверное, болтовня помогала не свихнуться.

— У меня нет выбора, — серьёзно ответила Амая, уже подбираясь к щели. — Если он жив, то счёт идёт на минуты. Видишь, сколько крови из него вытекло? Он не может ждать.

На такие бесспорные аргументы Панда лишь кивнул, уже без тени веселья.

Сразу после этих слов она начала протискиваться в узкий проход между камнями, чувствуя, как они скребутся о её кожу. Тонкий комбинезон не спасал совсем. Каждый сантиметр движения вниз давался с трудом, но она не собиралась останавливаться.

— Данте, ты только держись, — шептала она, едва слышно. — Я почти рядом, родной.

Через несколько минут Амая добралась до него, но ей казалось, что её время тянется слишком медленно, а секунды жизни Данте бегут слишком быстро, как песок в песочных часах. Он лежал присыпанный мелкими камнями и землёй. Зрелище было жуткое. Она только взглянула в красивое лицо, залитое кровью, смешанной с грязью, и очередная волна страха накрыла её с головой.

— Не двигайся, — прошептала Амая скорее сама себе, осторожно освобождая его неестественно подвёрнутую ногу. — Мы выберемся отсюда. Вместе.

Сверху посыпались мелкие камешки, напоминая, что её время ограничено. Амая быстро очистила пострадавшего от породы, перевернула и осмотрела. Из раны на его животе сочилась кровь. Амая Вега, из влюблённой девушки мигом перевоплотилась в опытного врача спасательной команды, мгновенно оценила ситуацию и точными уверенными движениями без сантиментов приступила к оказанию помощи, несмотря на зашкаливающий адреналин, пульсирующий в крови.

— Данте, держись, — приговаривала она, хотя уже точно знала, что тот её не слышит.

— Эй, отцы и деды, давайте мой рюкзак, а то мы здесь замёрзнем, пока вы телитесь, — и тихо себе под нос прошептала: — Папаши чёртовы. Стоят там теперь трясутся за мою задницу вместо того, чтобы работать, — но её речь прервал рюкзак свалившись почти ей на голову.

Она быстро достала перевязочный материал и зажала рану, чтобы остановить кровотечение. Ссадина на лбу уже засохла грязной коркой.

— Голд! — крикнула она в сторону щели. — Протолкните носилки, каски и брезент. И опору. Одна прекрасно здесь встанет.

Сверху послышался шум, и через мгновение в щель просунулись носилки и специальная опора, которую Амая быстро зафиксировала, не хуже техника. В команду набирали только тех, кто не умел бы справиться с любой задачей. Закончив с укреплением глыбы, она перевалила нелёгкое тело Данте поудобнее, защитила головы касками, легла рядом с ним, накрыла их обоих брезентом, а сверху ещё и носилками, создав надёжную защиту от осколков породы.

— Внимание, Ирбис! Мы расширяем проём! — донёсся голос Йоды. — Держитесь там!

Амая знала, что это опасно. Каждый удар по породе мог вызвать новый обвал. Но другого выхода у спасателей просто не было.

— Быстро, но осторожно! — крикнула она в ответ. — Если глыба рухнет, повезёте моей маме блинчик. Ей это не понравится, дедули! Так что, подумайте прежде, чем сотворить со мной такое.

Сверху раздались звуки работающего оборудования. Камни посыпались вниз. Амая обхватила Данте и как могла, наивно, прикрывала его своими ладошками. Она чувствовала, как земля вибрирует под ними, и каждый звук заставлял её сердце биться чаще. Камни ударялись об их импровизированную защиту и усиливали грохот. Данте тихо застонал.

— Теперь всё будет хорошо. Потерпи. Сейчас мы тебя вытащим. Дыши, мой хороший. Дыши.

— Ирбис, как он? — крикнул Джексон. Его голос выдавал такое напряжение не часто, только когда он сам не мог ничем помочь своим бойцам.

— Без сознания, но жив, — ответила Амая, не отрывая рук от раны. — Торопитесь, но не рискуйте лишний раз.

Проём постепенно расширялся, но с каждым ударом порода становилась всё более неустойчивой. Амая слышала, как камни скрежетали, предупреждая об опасности.

— Ещё немного! — Крикнул кто-то сверху. Амая под брезентом не разобрала чей это голос, может быть Джексона, а может самого Бога.

Она закрыла глаза, мысленно рассчитывая каждый дальнейший шаг, и знала, что, если глыба рухнет, шансов на спасение у них обоих почти не будет. Но она также знала, что никогда не смогла бы оставить человека умирать. Любого из людей. А сейчас с ней был не просто человек, а её единственный. Незаменимый никем и никогда.

— Данте, — прошептала она, — мы почти у цели. Ты должен выжить.

Когда, проём стал достаточно широким, чтобы протащить носилки с пострадавшим, Амая осторожно перевалила на них Данте, стараясь не усугубить его травмы, и как следует закрепила специальными ремнями.

— Тяните! — крикнула она, крепко держась за край.

Сверху начали медленно поднимать носилки. Амаю, уже без особых проблем, вытянули следом.

Как только они выбрались, глыба всё-таки не удержалась и с грохотом рухнула вниз, увлекая за собой грязь и камни, будто ждала, когда людей вытащат, и выдохнула, завалив щель полностью. Все замерли, осознавая, насколько близко они были к катастрофе.

— Ирбис, ты в порядке? — спросил Панда. Его бледность от испуга проступила, кажется, даже сквозь загар. Амая молча кивнула, тяжело дыша и отплёвываясь.

— Да, я нормально. Но ему нужна срочная помощь, — указала она на Данте сразу как очистила свой рот от земли.

Амая одеваясь на ходу, отдавала чёткие указания спасателям. Данте быстро загрузили в вертолёт. Ирбис и Панда сели рядом. Панда несколькими ловкими движениями поставил пострадавшему капельницу с поддерживающим раствором. Амая не отпускала его руку, делая вид, что следит за пульсом.

— Мы справились, — прошептала она, глядя на грязное лицо своей несбывшейся мечты. — Теперь держись.

— Взлетаем! — крикнул капитан пилотам.

— Эй, Джексон. Свяжись срочно с диспетчером. Пусть звонит в его агентство. Лицо пострадало. Сразу нужны пластики. Потом будет сложно исправить. — крикнула Амая сквозь шум винтов и, откинув голову назад, прикрыла глаза. У неё оставалось минут двадцать полёта, чтобы тихо поплакать, не пролив ни слезинки.

Глава 3 Сверхновая

Первые признаки беременности Амая заметила почти сразу: всё-таки, в тот момент она училась на втором курсе медицинского университета. Месяц после расставания с Данте она почти не помнила. Её словно накрыло толщей воды, и она выныривала лишь на мгновение — только чтобы притвориться перед родными, будто всё в порядке. Мама первая заметила неладное, но Амая убедила, что её дочь просто устаёт на учёбе. Потом тревогу забил старший брат. Но тут уже мама его успокоила. И оказалось, что Амая Вега неплохая актриса.

Когда тест на беременность оказался положительным, к удивлению, она прыгала как как сумасшедшая и плакала от радости. Нет, к тому времени, пройдя первые круги ада она и не думала разыскивать Данте Квазара, чтобы рассказать ему о ребёнке. Как будто после этой новости они непременно «будут жить долго и счастливо». Совсем нет. Она ликовала, как влюблённая женщина может радоваться ребёнку от человека, которого сама выбрала и полюбила. Амая даже тогда, после такого чудовищного предательства, любила Данте от земли и до луны. И, наверное, ещё обратно.

То, что произошло, не сломало маленькую нежную девушку. Она не жалела себя ни секунды и много раз просто прикидывала в своей голове, что может было бы лучше совсем не встретить Данте, если уж им не суждено быть вместе? Но сколько бы Амая себя не спрашивала, каждый раз отвечала — нет! Этот год с любимым стал самым счастливым в её жизни. И не нужны здесь никакие компромиссы. Только он. Только её Данте. И пусть всего лишь на один год.

И ещё кое-что держало Амаю на поверхности, не давая утонуть: Данте много раз говорил, что любит её, а в их последнюю ночь он повторил это больше тысячи раз, зацеловывая тело. Когда вам раньше приходилось слышать, что «он поцеловал каждый сантиметр её кожи» — не верьте, это неправда. Только Данте и только в ту последнюю ночь поцеловал каждый сантиметр кожи Амаи, без капли сомнения. Но он так и не сказал, что разлюбил. Амая это поняла сама, но гораздо позже. А пока надежда качала её на своих волнах. Они не могли быть вместе, но это не отменяло того, что любили друг друга. Так Амая рассуждала, так себя убеждала, так и берегла надежду, что всё ещё может измениться.

Первый раз за этот месяц Амая пришла в комнату брата. Долго лежала молча на его кровати и не заметила, как уснула. Ему она решила рассказать первому, почти обо всём, а потом уже с ним вдвоём идти сдаваться родителям. Тот как обычно вернулся со смены уставший и чистый. Он всегда приходил, принося с собой аромат свежести и геля для душа. Хотел завалиться на кровать, прямо в одежде, но вовремя увидел там маленький комок из пледа и мягких волос своей любимой сестрёнки.

— Ты почему не в универе? — нежно потрепал он её по волосам своей широкой ладонью мозоли на которой не проходили никогда, наслаиваясь друг на друга.

Амая поёжилась, плотнее закуталась в плед и, подвинувшись к брату, устроила голову у него на коленях.

— Мне сегодня к третьей паре. — промурлыкала сонная девчонка. — И ещё я хотела рассказать тебе что-то очень важное, пока ты не уснул.

— Ну тогда говори, а то я валюсь с ног от усталости.

Амая не стала тянуть, с братом этого не требовалось. Брат — это её крепость, её дом, тихий сад и райское облако.

— Я, наверное, скоро больше не смогу быть твоей маленькой проказницей, — наигранно захлопала ресницами девушка.

— Вот те на?! — поддержал игру суровый пожарный, а Амая продолжала выдавать информацию, пытаясь шутить.

— Но я нашла себе замену. И ровно через восемь месяцев у тебя будет новая… маленькая… проказница… Ну или проказник. Это уж как получится.

Амая поджала губы и дёрнула плечи кверху. Так просто и легко начался разговор, и тут её прорвало. Брат даже не успел сообразить, как его милый, маленький, сонный комок, превратился в самого несчастного человека на свете. По виду так оно и было. Пожарный опешил, схватил в охапку и прижал к себе рыдающую Амаю. Он совершенно ничего не понимал — события менялись слишком быстро, но в одном не сомневался ни секунды: сестра во что-то вляпалась. А Амае действительно давно нужно было выплакаться. Для юной, ещё не обросшей панцирем, ещё не столкнувшейся со всеми прелестями этого мира, девушки, первым испытанием сразу стало такое жестокое, которое и взрослые, уже опытные люди не часто выдерживают.

— Тихо, тихо, что ты, малышка. Маму напугаешь. Отец уже уехал, а мама готовит завтрак. Успокойся. Мы всё решим, всё уладим. Расскажи мне, что случилось.

Брат говорил спокойно, как всегда. И Амая, всхлипывая, но уже понемногу возвращаясь к реальности, рассказала ему всё. Только личность отца ребёнка она решила оставить при себе.

А через несколько минут, когда госпожа Вега вполне себе безмятежно готовила на кухне омлет с овощами, за стол сели её дети с видом вселенского заговора: одна из них глубоко беременна и точно недавно плакала, а второй серьёзный и готовый на всё.

Между вторым и третьим курсом университета, как раз на каникулах, Амая родила прекрасного, здорового мальчика с уже готовым именем Леандр, что означало человек-лев и символ искренней любви. Ей самой исполнился двадцать один год. Вполне подходящий возраст, чтобы преодолевать преграды и доказывать миру, что ты чего-то стоишь. На третьем курсе она училась, будучи мамой самого чудесного ребёнка на свете и доказательств её состоятельности было достаточно, хотя подушка тоже натерпелась.

Родители и брат сначала расстроились, что с их любимой Амаей такое случилось, но семья поддерживала друг друга, а мальчишка стал настолько любим, что историю его появления на свет, через совсем короткое время, уже никто и не вспоминал в отрицательном ключе. Счастье от появления в их доме такого прекрасного человечка перевесило все трудности и горести с этим событием связанные. В семье все поняли, что имя ребёнка несёт в себе тайные смыслы, но никто из родных даже рта не открыл для выяснения такого странного выбора имени его матерью.

До родов Амая ходила на лекции, пока позволяло самочувствие. Потом на пару месяцев перевелась на частичное удалённое обучение. Сессии она сдавала на отлично и деканат пошёл ей навстречу, а роды очень удачно пришлись на каникулы.

Госпожа Вега с момента своего замужества вела домашнее хозяйство и ни дня не работала, поэтому полностью взяла на себя заботу о внуке. Ей помогала вся семья. Они так ловко распределили обязанности между собой, что выхаживали малыша с удовольствием. Одни мыли и кормили, другие занимались покупками и трансферами, и все вместе баловали и любили. Даже господин Вега старался не оставаться в стороне, хоть и выбирался к внуку нечасто — плотное расписание рейсов почти не оставляли времени на общение. Зато командир экипажа Вега заваливал маленького Лео подарками, которые привозил из-за границы.

Да, такие семьи не редкость. Не все выгоняют из дома своих беременных незамужних дочерей.

Амая собралась и не подвела семью, не снизив свою успеваемость ни на балл. Она изначально настраивала себя только на успешное окончание медицинского университета и достижение своей мечты, и старалась делать всё возможное, чтобы рождение ребёнка не повлияло на их общее будущее. Ещё на первом этапе, первой ступеньке на пути в профессию, Амая решила сделать выдающуюся карьеру в области пластической хирургии и даже собиралась стать всемирно известным доктором, стараясь ещё больше погрузиться в учёбу и воспитание сына, всеми оставшимися от жизни силами заставляя себя забыть о Данте.

В глубине души ей хотелось ему что-то доказать. Доказать во что бы то ни стало, какую роковую ошибку он совершил, оставив её, и она не хотела врать себе отрицая этот факт, но в итоге собрала всё самое лучшее в себе и всё-таки справилась, отодвинув малодушное желание, а здоровье будущих пациентов перевесило чашу весов.

В какой-то момент Амая поняла, что больше ничего не хочет доказывать Данте. Просто хочет жить дальше для себя и для сына, не привязываясь к человеку, который стал для них чужим, быстрее, чем брошенный камень коснётся земли. Получилось не сразу. Поначалу выходило плохо и слёзы потоками лились на подушку. Но однажды Амая вытерла мокрые глаза, как следует высморкалась и поклялась себе, что не отдаст свою жизнь, а тем более счастье и покой близких, на растерзание прошлому. Больше она не плакала. Ну, почти.

Амая с самого детства, упражняясь на куклах и плюшевых зайцах, мечтала стать врачом, и желательно очень знаменитым, как добрый доктор из сказки, но учиться именно на пластического хирурга собралась, как только у любимого старшего брата появились первые ожоги. Она гладила его зажившие рубцы и клялась, что скоро всё исправит. Тот улыбался и обещал в ответ, что как раз к медицинской практике Амаи получит ещё больше шрамов. Тогда они смеялись и колотили друг друга подушками, даже не осознавая, насколько ценным было это безмятежное время.

Когда до конца общего медицинского образования оставалась пара лет, а в далёкой перспективе маячила узкая специализация, Амая изменила мечту.

Лео исполнилось два годика, когда госпожа Вега открыла дверь с ребёнком на руках и сразу, не произнося ни слова стала медленно оседать на ослабевших ногах. Один из мужчин

в идеальной форме офицера-пожарного, только и успел подхватить мальчика из рук побледневшей женщины, которая без слов поняла, что её старший сын домой больше не вернётся. Два офицера внесли её и малыша, внимательно изучающего погоны проворными пальчиками, в дом, и вызвали скорую помощь.

Никто уже не помнил, кто начал эту традицию, сообщать таким торжественным образом о гибели военных, полицейских и пожарных. Но многие, к несчастью, знают, что это всё не важно. Всё равно, как сообщать о смерти близких. Не лучше, не хуже от этого не становилось. Это просто меняло чьи-то жизни навсегда.

Пожар высокой степени сложности заполнил воздух города запахом гари и серым пеплом. Обвалилась крыша и трое молодых сильных мужчин навсегда остались в том здании. Амая записывала лекцию в университете, а мама гуляла с Лео на детской площадке, поэтому они не увидели новости и репортажи из горящего дома, а потом и фото трёх пожарных, которые навечно остались в зале славы своей части.

Похороны прошли торжественно. Женщины семьи Вега к тому моменту уже не плакали, а смиренно принимали соболезнования. Успокоительное сделало своё дело. Отец держался только ради жены, дочери и внука. Его накрыло бескрайнее горе, но ответственность за семью и тех, кто слабее, не давала ему потеряться и утонуть в этой скорби.

Амая тогда просто застыла. Три дня у неё не проходил гул в ушах, но из-за плохого состояния мамы ей пришлось взять на себя хлопоты о Лео и отце. Это не давало ей самой скатиться в бездну горя. А оно и было размером с бездну. В тот самый момент Амая поняла, что на ней теперь лежит ответственность за своих родителей и сына. Отец ещё работал, хотя возраст шептал и день, когда на медкомиссии ему объявят, что он больше не сможет пилотировать международные авиарейсы маячил на горизонте. В учёбе никаких изменений не произошло, но становиться великим пластическим хирургом Амая Вега больше не мечтала.

Через неделю после похорон ей позвонил лучший друг её брата — Иво Джексон. Они встретились в маленьком скверике на территории госпиталя скорой помощи, пожарной части и базы спасателей. Там, где Джексон и служил. Спасатель заигрался с Лео и долго разговаривал с Амаей об учёбе и родителях.

Выяснив, что с семейством Вега всё в относительном порядке, он передал Амае деньги, которые собрали ребята его отряда от чистого сердца, и попросил не отказываться. Она и не стала. Брата все любили, а принимать искреннюю помощь нужно с уважением. Ещё Джексон напомнил, что внедорожник друга стоит у них в гараже на базе, и Амая может забрать его, когда захочет, машина в отличном состоянии. Джексон обещал присматривать за ней и поддерживать в порядке столько, сколько потребуется, но теперь она принадлежит Амае.

Брат научил её водить через море слёз и уговоров, но потом всегда говорил, что Амая прирождённый водитель, хотя лихачить не разрешал. Она обожала мощную машину и всегда, когда брат не позволял ей баловаться за рулём, изображая лихую погоню, надув губы говорила, что когда тот окончательно состарится, то громоздкая чёрная тачка будет принадлежать ей. Получить машину таким способом Амая не хотела, но получила и твёрдо решила сберечь её как память о любимом брате и об их истории. Вполне возможно потом у неё будут другие вкусы на автомобили, но о продаже этого джипа не могло быть и речи.

Ещё одна суровая страница жизни Амаи перевернулась, но Вселенная решила, что для панциря этого маловато и преподнесла ей новое испытание. Надо ли говорить о том, что девушка с болью, но трепетом следила за стремительно развивающейся карьерой своего любимого Данте? Она не пропускала ни одного выступления и со слезами на глазах продолжала радоваться его успехам. Данте пел много нежных песен о любви. И тогда, ловя последние остатки романтики Амая, уговаривала себя, что все эти песни Данте посвятил именно ей и поёт для неё, пусть даже они и не могли быть вместе. Она так думала, и сердце её грелось от этой мысли какое-то время.

Всё так и выглядело до тех пор, пока в один прекрасный день печатные и интернет-издания не опубликовали фото Данте Квазара с его тайной любовью. И это была не Амая. Госпожа Вега наблюдала украдкой в приоткрытую дверь, застав горем убитую дочь за чтением этих новостей. Она увидела даже издалека, что разрушило мифы, которыми все эти годы спасалась маленькая нежная девушка с разбитым сердцем.

Мама Амаи никогда не слыла меломаном, и у неё с домашними хлопотами совсем не оставалось времени обращать внимание на билборды с изображением Данте, заполнявшими все обозримые рекламные места в городе. Она сначала где-то зацепилась взглядом за красивое лицо, которое отчего-то показалось ей знакомым, потом ещё раз, потом присмотрелась уже более внимательно, но то, что лицо именно этой знаменитости она каждое утро вытирает от каши, поняла уже давно, просто не хотела давить на дочь, выясняя подробности.

Вот тогда, в тот самый день, Амая освободилась ото всех иллюзий. Вот тогда слово «предательство», выиграв неравную битву у надежды, показало, где на самом деле её место. И она уверенно его заняла. Амая посмотрела в зеркало на своё опухшее от слёз лицо, выдохнула и произнесла то, что давно висело в воздухе:

— Тебя предали, дурочка.

Продолжая смотреть в зеркало, вытерла слезы, улыбнулась и закрыла эту книгу со сказками навсегда.

На пятом курсе, когда началась преддипломная практика, Амая трудилась в госпитале скорой помощи, куда попросилась сама. Желающих там поработать как обычно оказалось не много, ведь студенты-медики сторонились ада на земле. Лишь студентка Вега хорошо подумала и уверенно определилась, что делать носы звёздам шоу-бизнеса она не станет. Её старший брат погиб, спасая людей и Амая твёрдо решила пойти по его стопам. А чужие носы уж как-нибудь обойдутся без неё. Поэтому в конце обучения она подала заявление в школу подготовки спасателей и успешно её закончила.

Получив диплом университета по специальности «общее медицинское образование» и имея разряд по спортивному альпинизму, Амая заняла своё место в отряде Иво Джексона, в той самой легендарной «Семёрке». Место, которое она вымолила на коленях, но по праву заслуженное. Разговор между ней и капитаном Джексоном состоялся долгий и серьёзный. Оба понимали свою ответственность, но Амая не поддалась на уговоры одуматься, красочные описания спокойной жизни «нормального врача» и доводы друга брата о том, что она девушка и достойна лучшей доли, чем лазать по горам и разгребать завалы. Джексон даже предлагал ей начать в другом подразделении, «попроще», но все аргументы она разгромила безжалостно, а через несколько дней оформления документов какой-то красивый, но нагловатый мужик сунул

ей в руки чашку с её именем под бурные аплодисменты всех членов команды с позывным «Семёрка».

Глава 4 Сингулярность

«Деды» и «папаши» уже разъехались по домам, а Амая, традиционно, взялась за уборку. Там, где до неё «старательно» навели порядок трое мужиков, она перемыла и без того «чистое», заново разложив то, что они уже «сложили», и приоткрыв окно на проветривание, медленно побрела в сторону выхода. Ночь выдалась спокойной, вызовов не было, и дежурной смене даже удалось поспать.

Данте до этого момента ещё пару раз приезжал на базу спасателей и снова не смог застать Ирбис. От нелепости ситуации Амаю выручило лишь то, что на базе, как обычно, толпились не все или вовсе никого, потому что после ночного дежурства спасатели отсыпались у себя дома, а графиком работы команды Данте, не интересовался. В противном случае, уже все самые недогадливые догадались бы, что Ирбис прячется именно от певца. К счастью и у Данте не было столько свободного времени, чтобы дежурить под забором базы сутками, да и причин серьёзных не наблюдалось. Хотя его настойчивость уже обращала на себя некоторое внимание. Казалось, артиста как магнитом тянуло к людям, совсем не похожим на тех, кто обычно его окружал.

Сегодня он твёрдо решил, что съездит к спасателям в последний раз. Любопытство понемногу заглушало благодарность, но здравый смысл всё ещё удерживал от полного безрассудства. Пожалуй, он и сам себе казался немного нелепым, а уж что думали члены команды и дежурные, он вообще не представлял. Версии, в курилке, наверное, сыпались одна смешнее другой, хотя вряд ли они курили.

Данте приехал на территорию части поздним утром, когда солнце уже достаточно высоко поднялось над горизонтом, заливая улицы мягким светом. Он высчитал немного времени перед репетицией, и медленно шёл в сторону знакомого здания, едва переставляя ноги. Его мысли витали, где-то далеко, а в душе царили апатия и полное отсутствие воодушевления.

Но вдруг он застопорился. По-другому это назвать было сложно. Его взгляд намертво приковала фигура, возникшая перед ним словно фантом из далёкого прошлого, и его привычный мир лопнул. Ноги будто вросли в асфальт, сердце пропустило удар, а дыхание перехватило спазмом. Он не мог пошевелиться, не мог сделать и шага, ни вперёд, ни назад. Всё кругом вдруг потеряло значение.

Перед ним стояла та, кого он никак не ожидал здесь увидеть — ни вообще, ни в этот миг. Та, которая заставила его сейчас только одним своим неожиданным появлением забыть, кто он, и зачем он.

Перед ним стояла красивая девушка в голубых джинсах с драными коленками, белой свободной футболке с каким-то сумасшедшим принтом, идеально белых кроссовках и с чёрным кожаным рюкзаком за спиной. Она наклонила голову и её мягкие волнистые локоны, местами закрученные в полноценные колечки, закрывали и лоб, и глаза, но Данте настолько отчётливо помнил её лицо, что даже так, под волосами, не видел, знал, насколько она прекрасна.

Когда девушка подняла лицо, она цокнула языком и с явным негодованием вскинула глаза к небу, беззвучно восклицая: «Ну какого чёрта!» И в этот миг Данте окончательно понял, что ни на секунду не забывал родные черты. Это была всё та же Амая, и в то же время совсем

другая: годы оставили на ней свой след. Она показалась Данте ещё прекрасней, чем он когда-то знал. Она изменилась. Немного поправилась, что совершенно её не портило. А локоны тёмного оттенка указывали на то, что Амая больше не красила волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.